

An orange-toned illustration of a mountain landscape. In the background, there are jagged mountain peaks under a sky with a crescent moon and several star-like sunbursts. In the foreground, a person is walking through a field of clouds or mist. The person is wearing a hat and a long coat, and is carrying a walking stick. The overall style is that of a hand-drawn sketch or a woodcut.

ДОРОГА

НА

АННАПУРНУ

Путешествие в Непал писателя Марины Москвиной и художника Леонида Тишкова

МАРИНА

МОСКВИНА

Марина Москвина

Дорога на Аннапурну

«ЭКСМО»

2012

Москвина М. Л.

Дорога на Аннапурну / М. Л. Москвина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-59611-9

На этот раз путь их лежал в королевство Непал. Вместе с ними мы растворимся в толпе живописных обитателей Катманду... А главное, совершим восхождение на гору Аннапурну – в самое сердце Высоких Гималаев. Что они пережили и как вернулись обратно – об этом рассказывает книга «Дорога на Аннапурну», несмотря на весь драматизм полная юмора, веселых рисунков и увлекательных историй из жизни этого загадочного района Земли.

ISBN 978-5-699-59611-9

© Москвина М. Л., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Москвина

Дорога на Аннапурну

Путешествие в Непал писателя Марины Москвиной и художника Леонида Тишкова

The surface of the Earth is the shore of the Cosmic ocean.
Karl Sagan

– В путь так в путь, – сказал сэр Уэллер, проваливаясь в пропасть.
Чарльз Диккенс

Глава 1

Как мы не полетели в Катманду

– О-мм, – пела я во сне, скрестив ноги на серой скале.

– О-ом, – пели рядом четыре буддийских монаха, такие же бритоголовые, как я.

Мы сидим с ними кругом, под нами летает орел и плывет грозовая тяжелая черная туча. Но мы устремляем взоры к сияющей ледяной вершине, раздвоенной, как рыбий хвост, и пребываем в единстве с природой Будды. Никто из нас пятерых сейчас не боится смерти. Если в течение этой песни тебя потревожит смерть, ты достигнешь бездонной чистоты, глубокого покоя, запредельной ясности, словом, просветления.

Внезапно пять ярких радуг прорезали небо. И лишь пустая одежда, которую мы когда-то носили, упала на камни.

Несколько раз я видела этот сон. Точка в точку повторенный, без малейших изменений. Встанешь и поёшь потом целый день:

– Ом! – Запекая на кухне бутербродики с сыром.

– Ом! – Когда варю семье каши и борщи, гуляю во дворе с собакой, шагаю с сумками в прачечную или бегу с авоськой за хлебом.

И мне подпевают во всеуслышанье заоблачные мои бритоголовые товарищи.

Всякий раз я рассказывала об этом сне мужу Лёне. Всякий раз говорила ему:

– Лёня, радость моя, вот где мне бы хотелось когда-нибудь побывать. Боже мой! Хоть когда-нибудь!!! Горы Гималаи, страна Непал...

– Я тебе обещаю, – он отвечал. – Ты там побываешь.

И вот однажды приходит он домой и говорит:

– Случилась удивительная вещь. Сажу я в мастерской, пишу картину – два метра на четыре – «Инопланетянин и ангел», вдруг телефонный звонок. Звонит мой земляк, уральский художник Володя Наседкин. Они там у себя на Урале задумали художественный проект «Урал – Гималаи – Тибет». Им эту экспедицию спонсируют альпинисты. Так что в конце апреля мы – группа продвинутых художников с Урала – отправимся в Непал.

– ... а я? – говорю я упавшим голосом.

– Что – ты? – удивился Лёня. – Ты что, уральский художник? Пойми, туда едут серьезные люди, мои друзья, крепкие уральские парни: один Наседкин Володя чего стоит! Шабуров Саша – Иисус Христос. Брюханов и два Пономарева. Пономарев-первый – капитан, он был матросом, бороздил моря и океаны, сейчас раскрашивает подводные лодки. Второй Пономарев

– музыкант, у него ансамбль тибетской древней музыки!.. Вот я уже и карту купил, – говорит Лёня. – Ведь я сын учителя географии, мне без карты никак нельзя.

И он разворачивает перед моим носом бело-голубую карту, где белое – это вечные высокогорные снега, а голубое – зеленые долины и влажные субтропики.

– Вот оно, Королевство Непал, – торжественно объявляет Лёня. – Вот Главный Гималайский Хребет или Большие Гималаи. Гора Эверест. Монастырь Тхьямбоче. Там, кстати, хранится скальп снежного человека. Вокруг Эвереста громадный Национальный парк. Смотри, нарисован снежный барс, винторогие козлы и эдельвейсы. Это долина Катманду – музей под открытым небом. А в четырех километрах от столицы – буддийский монастырь и древнейшая ступа Будднатх: девятьсот метров в окружности, наиглавнейшая реликвия тибетского буддизма в Непале, ей две тысячи лет! Священная река Бхагмати. Как все подробно изображено. Храм Па-шу-па-ти-натх! Тут очень почетной считается кремация, – доверительно сообщает Лёня. – Тебя сжигают и твой пепел сбрасывают в воды Бхагмати, чтобы он доплыл до еще более священного Ганга! А вот область Лумбини, граничащая с Индией! Там джунгли, дикая жара, слоны, бенгальские тигры, черные носороги, крокодилы, и здесь родился Будда! Короче, как я погляжу, Непал, – подвел итог Лёня, сворачивая карту, – это жемчужина Индийского полуострова.

– Так, – я сказала. – Кому снился сон? Мне? Или уральским художникам? Кто должен ехать в Непал, взбираться на древнюю буддийскую ступу, крутить колесо вечности и возжигать благовония, распевая мантры? Кто днями напролет в нашем забытом богом Орехово-Борисове изучает священные тексты прямо на тибетском языке о развитии Великого Совершенства, о смерти и освобождении? В общем, так: я прошу тебе все, но никогда не прошу, что ты не взял меня в Катманду!

Лёня мрачно стал ходить из угла в угол. Наконец он сказал:

– С Наседкиным я насчет тебя договорюсь. Но платить за твой билет нам придется самим. И учти, на дорогу уйдет весь семейный бюджет. Ты готова к тому, что мы съездим на несколько дней в Непал – ...и все?

– Да, готова, – сказала я.

А наш сын Серёня сказал:

– Ну, вы полные психи.

И мы начали подготовку к путешествию.

Во-первых, провели серьезную двухнедельную противомалаярийную блокаду.

Второе – по двум потрепанным брошюрам времен застоя мы с Лёней тщательно изучили достопримечательности Непала, монастыри, пагоды и ступы, местные обычаи и обряды, фауну, флору и некоторые народные приметы: например, оба приняли к сведению, что не стоит лакомиться ушами ворованного слона – голова заболит. И не надо есть подгорелый рис, а то поглупеешь.

Все это время Володя Наседкин являл собой чудо организаторского таланта: звонил, беспокоился, как идет подготовка, а чтобы наше посольство в Непале оказало уральцам всемерную поддержку, пообещал, что я, московский детский писатель, привезу в подарок их детям свои книги плюс книги столичных классиков детской литературы с дружескими автографами! И устрою им яркое запоминающееся выступление.

– А ты готов к встрече с местными богами? – спросила я у Наседкина по телефону.

– Это и будет содержанием нашего художественного проекта, – ответил он.

Но на всякий случай раздобыл для каждого участника экспедиции какую-то неправдоподобную суперстраховку.

– Даже если твое тело надо будет на вертолете снять с вершины Эвереста, а потом его снова туда водрузить, это можно будет осуществить по Володиной страховке, – с гордостью говорил Лёня.

Он вообще так гордился Володей, что даже не забрал у него авиабилеты, которые Наседкин приобрел при помощи туристической фирмы «Кайлас», названной так в честь священной горы, где отдыхает от забот и треволнений мира великий бог Шива – покровитель Непала. Мы только знали, что рейс «Москва – Катманду» бывает редко – раз в две недели. И самолет летит вечером двадцать третьего апреля.

Поэтому двадцать второго апреля в субботу без лишней спешки я раскладывала на диване и стульях наши новые кроссовки, куртки, майки... Эмоции сдержанны, нервы как струна, сосредоточенность полная. Отправила отца за «байгоном» от злых непальских комаров. Он вернулся и говорит:

– Там есть «байгон» только от непальских муравьев. В муравейник кладешь, поджигаешь, дымовая завеса и все муравьи разбегаются – кто в сторону Индии, кто в сторону Китая. Продавщица мне так сказала. Я не стал покупать. Сто рублей назад принес.

Я его накормила обедом. Он поел, попрощался, дал мне отцовское благословение и ушел.

Тут приходит Лёня с мешком лекарств. Он был единогласно назначен уральцами главным врачом экспедиции. Так что на всех накупил жемчужную россыпь желудочных средств, антибиотиков, пластырей от мозолей в случае далеких переходов, средства от укусов ядовитых змей и насекомых, мази от ожогов, от обморожений, одноразовые шприцы, аппарат для измерения давления, сердечные капли, активированный уголь, обезболивающее, обеззараживающее, транквилизаторы для легковозбудимых участников экспедиции, таких, как Саша Шабуров, антидепрессанты для всех остальных, средства от цинги, витамины, минеральная подкормка – все это он разыскал, притащил, мой заботливый Лёня, и положил в безразмерный рюкзак экстремального красного цвета.

Лёня специально его приобрел для непальского путешествия. Я слышала, как один продавец спросил другого: «Зачем этот тип купил такой красный рюкзак?» А второй ему ответил: «Зато он нигде не потеряется. Его будет видно с вертолета».

Затем: сухие супы, сухое пюре, чай, кофе, целебные травы, видеокамера, два фотоаппарата – один специальный, чтобы передать натуральный цвет неба, не засвеченного солнцем, второй – тяжеленный, с панорамным объективом – его всучил Лёне фотохудожник Валерий Силаев.

– Не с «мыльницей же», – сказал он, – лететь в такие места на Земле!

Сидим – раздумываем, что берем, что не берем, ведь впереди сутки, и нам еще сто раз позвонит Наседкин и скажет, во сколько завтра встречаемся в Шереметьево. Поздний вечер, двенадцать – начало первого, мы собираемся ложиться спать.

*Рюкзак - мой друг,
товарищ и брат!*

Вдруг зазвонил телефон.

– Кто это – так поздно? – Лёня поднимает трубку.

Дальше я слышу, он говорит:

– Володя, ты шутишь?.. Так ведь сегодня двадцать второе, а ты говорил двадцать третьего ночью... Что «сутки с ночи начинаются не с дня»? Как – регистрация закончилась?! Во сколько наш рейс? В час ноль пять?!!

Он кладет трубку, и мы с ним стоим окаменелые.

– Пять минут на сборы, – тихо говорит Лёня.

Как мы с ним кинемся! Как забегаем! Побросали все, что могли в рюкзаки без разбору! Напялили первое попавшееся, я влезла, босая, в кроссовки и почему-то бросилась чистить зубы, закрывшись в ванной. Лёня рвется, кричит:

– *ЧТО ТЫ ТАМ ДЕЛАЕШЬ???*

А сам выкладывает из рюкзака штатив от камеры.

– Я штатив не возьму, – кричит. – Лишняя тяжесть!

– Ты с ума сошел! – кричу я. – Чем мы будем обороняться от обезьян?

– Где моя соломенная шапка, – кричит Лёня, – как у Редьярда Киплинга, когда он жил в Кумаоне???

Через *семь минут* наш сын Серёня толкнул нас в лифт, а еще через полминуты мы бежали ночным двором под звездным небом Орехово-Борисова в дичайших клетчатых штанах и ярчайших куртках. Из кармана у Лёни выглядывал маленький человек Никодим, которого я сшила из мягких тряпочек, а Лёня мне позировал. Мои новые кроссовки сияли в темноте серебряными катафотами, а Лёнины соломенная шапка и красный рюкзак экстремального туриста будоражили воображение подростков, пивших пиво у подъезда.

Вдруг Лёня остановился и закричал:

– Стоп! Я должен вернуться!!!

– Что??? Что такое?

– Я забыл... *КАРТУ НЕПАЛА!!!*

– Ни шагу назад! – я кричу. – *Там как-нибудь сориентируемся!*

Выбегаем на шоссе. Берем машину. Лёня водителю:

– В Шереметьево! Скорей! У нас самолет в час ноль пять.

Водитель:

– Твой самолет, парень, уже улетел.

А Лёня:

– Гони, друг! Успеешь – договоримся.

Двадцать минут первого мы мчали из одного конца города в другой со скоростью сто тридцать километров в час. Дороги, к счастью, были свободны. За Кольцевой мы понеслись так, что нам казалось, мы не касаемся колесами асфальта. В час ноль три, почти не дыша, мы избегали на второй этаж аэропорта Шереметьева. Навстречу нам выскакивает взъерошенный молодой человек в зелененьком клетчатом пиджаке из турагентства «Кайлас» и на ходу, протягивая наши билеты, бормочет:

– Бегите к таможне. Последний рейс. Все работники Аэрофлота уже ушли. Я попробую поискать кого-нибудь, кто вам выпишет посадочный талон.

Не понимая, какая нас ждет судьба, запыхавшиеся, возбужденные, мы проходим безлюдными полутемными лабиринтами и за стеклом видим сонную таможенницу.

– Скорее, скорее!... – зовет ее Лёня. – Самолет еще не взлетел!

– Где ваш посадочный талон? – говорит она равнодушно.

– Вам его принесут, – обещает ей Лёня. – Пропустите нас. А то Володя Наседкин, мой лучший уральский друг, не позволит поднять в небо самолет.

Вдалеке мы видим, как отчаянно мечется по залу и рвется в закрытые двери клетчатый зелененький пиджак турагента из «Кайласа». Час пятнадцать. Время идет. И ясно, что наш самолет нас ждать не будет.

Лёня встал, навалился локтями на бортик и закрыл глаза.

Я говорю:

– Лёня! Радость моя! Не переживай, полное спокойствие.

А Лёня:

– Ну, ты же сама потом будешь говорить...

А я:

– Клянусь мамой, я ничего тебе не скажу. Ни слова упрека! Это божественное провидение.

– Выходит, что Бог меня не любит?... – спросил Лёня, чуть не плача.

– Что ты такое говоришь??? – я отвечаю. – Как можно *тебя* не любить?!!

В пустынные лабиринты с наглухо замурованным от нас летным полем входит наш турагент. Он медленно идет к нам и уже на почтительном расстоянии начинает разводить руки в стороны.

В полутьме я вижу только разведенные кисти рук и еще раз понимаю, какой это гениальный красноречивый жест.

– Самолет взлетел, – произносит он совершенно излишнюю фразу.

В тот миг у Лёни родились эти поэтические строки, посвященные нашему спутнику и товарищу – тряпичному Никодиму:

*Какой бы ни был маленький человек
все равно не пройдет таможеню
паспорта нет у него и никогда не было
напрасно он ищет его в своем рюкзаке
кроме сухих травинки и тряпочных крыльев
нет там ничего – но
офицер отпустит его когда
человек напишет для него Дао дэ цзин*

Мы выходим на улицу, снова берем такси. Турагент едет с нами; конечно, он огорчен, но учтите, он говорит, все всегда происходит так, как и должно быть.

– Где вы это прочитали? – я угрюмо спрашиваю.

– У Саи Бабы, – он смеется. – Ведь мы на Индийский полуостров отправляем не только «челноков», туристов, но и паломников. Иной раз на одном рейсе летят буддисты, индуисты, кришнаиты, бабаджисты, последователи Саи Бабы... Так что мы тоже в курсе восточной философии.

Дальше он говорит:

– Билеты ваши пропали. Групповые билеты не обмениваются и не принимают обратно. У вас есть шанс догнать свою группу, если вы купите новые билеты – сначала до Индии, прилетите в Дели, а там как-нибудь достанете билет до Катманду. Так будет добираться второй Пономарев.

– Ну, передайте ему тогда, – говорит Лёня, – вот эти лекарства.

(Шабуров Саша в своих путевых заметках потом написал: «Такая масштабная цель, как поездка в Гималаи, не каждому по плечу. Присоединившийся было к уральцам Лёня Тишков заявил:

– Экспедиции нужен врач!!! Я буду вашим доктором! Дайте мне сто долларов на медикаменты!.. – После чего ни Лёни, ни лекарств никто не видел, ибо самолет в Непал он проспал.»)

– Не огорчайтесь, – сказал наш мудрый турагент, вышел из машины и растаял в ночи. А мы поехали дальше.

– Как съездили? Откуда возвращаетесь? – с любопытством стал спрашивать водитель.

Все окна темные. Только у нас горело окно.

– Я думал, вы все-таки успели, – сказал Серёня. – Самолет держали до часа двадцати пяти. Я следил по Интернету. Маленький такой нарисованный самолетик. «Москва – Катманду». Он стоял-стоял, потом раз! и улетел.

– Давай завтра пойдем гулять в Коломенское? – пробормотал Лёня, засыпая.

– Конечно, пойдем! – сказала я.

Глава 2

О том, как мы все-таки полетели

Всю следующую неделю мы вяло позванивали в «Кайлас», они в свою очередь вяло размахивали нашими билетами перед носом у Аэрофлота, пытаясь хоть сколько-нибудь нам вернуть, хотя бы малюсенькую страховку. Все напрасно. И я попросила Лёню забрать у них авиабилеты. Мне захотелось вывесить их на стенке в нашем изголовье. Чтоб эти билеты напоминали нам о тех сказочных, неведомых далях, в которые мы могли бы попасть, но они отодвинулись, как горизонт, и остались недостижимыми.

Естественно, Лёня отправился в турагентство в субботу, в предпраздничный нерабочий день – на завтра была Пасха, послезавтра Первое Мая. Ну, ему за его страдания оставили билеты у вахтера. Он сунул их в карман и пошел гулять по Москве. Тепло, все цветет – сирень, вишни, яблони, желтые одуванчики...

Он и не заметил, как очутился на Коровьем валу. Смотрит – кассы Аэрофлота. Ряд стеклянных витрин, зазывающих в разные страны.

Кассы закрыты.

Все кассы были закрыты, *кроме одной*. Он толкнул дверь и вошел. У компьютера сидела женщина.

– Садитесь, – сказала она.

Лёня сел... и начал свой рассказ. Он рассказывал ей о своем детстве, о тихом уральском городке Нижние Серги, в котором он родился и вырос, о том, что сам он – сын географа, врач по образованию, а по призванию художник. Подробно обрисовал сюжет картины «Ангел с инопланетянином». И плавно перешел к тому, что никогда не мечтал ни об Индии, ни о Непале. Жена – та, действительно, как ненормальная, спит и видит во сне Королевство Непал. Но как бы там ни было – вот они билеты, а мы с женой – тоже вот они, хотя это явный парадокс.

Картина окончена - что вперед!

Женщина взяла у него билеты и сказала:

– Первое, что мы сделаем с ними – это переведем из групповых в индивидуальные. Теперь посмотрим, есть ли в самолете свободные места. Рейс в Катманду будет ровно через неделю.

– Ой, надо же! – воскликнула она. – Как раз два места у окошка. И два обратно – через две недели. Ровно два!

И пока она выписывала новые авиабилеты на седьмое мая, Лёня, ошарашенный, сидел перед нею, не смея поверить в реальность происходящего.

– Только не перепутайте, – просто сказала она, провожая его до двери. – Ночь седьмого – значит шестого вечером. Час ноль пять. За два часа до отлета начинается регистрация. Счастливого пути!

– И тут я обнял ее, – рассказывал мне Лёня. – И хотя она была крупная женщина в зрелом возрасте, ну, знаешь, начальник смены агентства по продаже билетов Аэрофлота – мне показалось, я обнял воздух.

Это был ангел.

А мы опять предстали перед таможенным контролем.

– Зачем вы едете в Непал? – строго спросил нас с Лёней таможенник, пронзительно глядя нам прямо в глаза.

– Я уже и не знаю, – ответил Лёня.

Хотя он как раз имел четкий и ясный план действий. Незадолго до нашего фальстарта он отправился с фотоаппаратом в зоопарк и часа четыре снимал там животных из гималайского региона. Он снял трех бурых гималайских медведей плюс одного черного с белой грудью, потом крупным планом лицо гималайского орла и гималайского журавля, тоскливый взгляд из-за решетки мохнатого винторогого козла и нежнейшую белоснежную птицу колпицу – лопа-теня с длинными ногами и крупным, плоским, расширенным на конце в виде лопаты клювом.

– Как много зверей в зоопарке, которых вывезли насильно из Гималаев злые люди! – сокрушался Лёня. – А я проведу акцию противостояния. Я напечатаю большие фотографии этих животных, отвезу в Непал, помещу их портреты в естественную среду обитания и сфотографирую. Это будут фотографии фотографий – грустный и поэтический акт беспомощности, жест отчаяния, показывающий миру, что нельзя быть такими безжалостными.

– Но это не все, – сказал Лёня, понизив голос. – Тут присутствует еще один аспект – магический, поскольку фотография всегда в какой-то мере забирает тени и души, тело света и тело сна...

И вот мы летим над целым миром, Леня выпил вина – свою долю и мою, расслабился, закайфовал и сразу сочинил экспромт про непальца, который мирно спал слева от него, по-детски подперев щеку рукой, украшенной золотым кольцом с огромнейшим сапфиром.

– Непалец, – громко продекламировал Лёня, – Надел перстень на палец!

Тут нас заинтересовала надпись на майке у одного парня. Текст был на английском, а сверху нарисовано густое зеленое дерево.

«Сначала я думал, что боролся за жизнь дерева, потом – что боролся за сохранение Амазонской сельвы.

Теперь я понял, что борюсь за человека».

Чико Мендес,

убитый в борьбе за сохранение Амазонской сельвы

Вообще этот самолет был наполнен удивительнейшими типами, из тех, кого увидишь случайно на улице и долго-долго будешь смотреть ему вслед.

Какой-то взъерошенный рыжий ирландец в круглых очках летел в Индостан искать истоки происхождения человечества, а также пути миграции древнего человека оттуда по всему миру. Не больше и не меньше.

Российские офтальмологи, сидевшие неподалеку от нас с Лёней, надеялись, на сей раз *еще ближе* подойти к заветным горным пещерам, в которых – они это вывели у верховных тибетских лам – до наших дней сохранился так называемый генофонд человечества из людей разных эпох и цивилизаций, в том числе атлантов и лемурианцев. Погруженные в состояние глубокой сосредоточенности и медитации, тысячелетиями сидят эти носители божественного знания в тайных гималайских пещерах, предназначенные подстраховать жизнь на поверхности Земли. В случае глобальных катастроф, которые время от времени случаются у нас на планете, именно они помогают людям не одичать или дают ростки новой человеческой жизни.

Кто-то летел в Непал курить гашиш.

Двое харьковчан – муж с женой – направлялись в Лумбини на родину Будды.

Конечно, я сразу захотела отправиться с ними в *места, озаренные славою, где Прекраснейший среди всех существ, Великолепнейший из всех творений, как благодатное пламя, как созвездие Тельца, как пылкое осеннее солнце в безоблачном небе, родился на благо и счастье людей...*

Однако быстро выяснилось, что эта парочка в тренировочных костюмах целенаправленно едет в джунгли – ловить и продавать тропических бабочек. Такой уж у них семейный бизнес. Нам с Лёней они очень не понравились.

Кто-то намеревался сплавляться на лодках по бурным непальским рекам. Кто-то планировал покорить Эверест. Хотя в мае уже начинают дуть муссонные ветры, несущие влагу с Индийского океана, лить муссонные дожди. И облака заволакивают вершины.

Один там Валера в солидном возрасте из Владикавказа с двумя аспирантами вообще собирался и сплавиться по бурной реке, и покорить Джомолунгму, но только боялся, что не успеет обернуться к отлету самолета.

Причем эти экстраординарные люди были столь радушны, что уже на рассвете, когда погасли звезды, а первые лучи солнца осветили под крылом «Ил-86» выжженные пустыни, пересохшие русла рек и желто-коричневые кратеры – то ли ландшафты Марса, то ли Луны, нам с Лёней всю предлагали:

– А что, ребята, давайте и вы с нами?

Мы прямо не знали, что выбрать. И даже подспудно стали подумывать, а не пуститься ли на уютной лодчонке по какой-нибудь стремительной гималайской реке – только в спасательном

жилете и в каске, поскольку мой муж Лёня умеет плавать исключительно на спине при тихой погоде, в спокойной обстановке.

Все это многообразие намерений было вызвано диковинным рельефом страны Непал, которая хотя и сосредоточена в самой сердцевине Гималайских гор – на юге у нее расстилается Индо-Гангская равнина с тропическими джунглями, в центральной части раскинулись высокие горные хребты Махабхарата и более низкорослая горная цепь Чурия.

...А уж на севере возвышаются вот эти самые, суровые Гималаи – величайшее на Земле скопление занесенных снегом гор. На древнеиндийском языке санскрите «хима» означает «снег», «алайя» – «обитель», одним словом, «Хималайя» – Обитель Снегов.

Восемь ее вершин из четырнадцати на целом Земном шаре (как их только измерили? – думала я в детстве, да и сейчас для меня это большая загадка!) достигают более восьми тысяч метров. Особое удовольствие огласить их священные имена.

Джомолунгма (Эверест) или Сагарматха – по-непальски «Властелин Неба» – 8848 метров! На границе трех стран – индийского королевства Сикким, Китая и Непала – пятиглавая Канченджанга – 8585 метров. Пока не уточнили высоту Эвереста, Канченджангу считали самой высокой в мире. Жители Гималаев поговаривают, что на этой горе обитает бог богатства, и на пяти ее вершинах он разложил пять главных своих сокровищ: соль – «ца», золото и бирюзу – «сер дханг ю», священные книги – «дхамчой дханг нор», оружие – «мзон» и «лотхог дханг мен» – зерно и лекарства. Поэтому название горы Канг-чхэн-джа-лнга по-тибетски означает «Пять Сокровищ Великого Снега». Где-то среди ее вершин – вход в священную страну Шамбалу.

...Лхоцзе, Макалу, Чо-Ойю, Дхаулагири, Манаслу, Аннапурна – просто произнести это для меня всегда была большая радость. А уж увидеть своими глазами! Как говорит мой друг Седов: «Может, у тебя, Маринка, и хорошая карма, но с Гималаями ты явно перебарщиваешь!»

Долгое время северные Гималаи скрывали ото всей Земли древнюю долину Катманду. Разве туда доберешься через сплошные пики небесные и отроги?

Зато в районе королевства Мустанг, до наших дней почти недоступного белому человеку, граница Непала охватывает часть Тибетского нагорья – самую что ни на есть высокогорную пустыню Бхот, истинную Крышу Мира! Сюда не докатываются муссоны, несущие влагу с Индийского океана, а сквозь гималайские коридоры дуют чудовищной силы ветры.

Вот как у меня все, как в настоящей географической книге, будто бы пишет какой-нибудь ученый, а не такой лопух, у которого всю жизнь была тройка по географии.

Да, пришла пора признаться, что я – несбывшийся географ. Я – очарованный странник, пьянеющий от одного только слова «плато», «пролив» или «перешеек»! И если бы Гималаи не позволили мне приблизиться к ним, пасть ниц у подножия, посыпать главу гималайской пылью веков и омочить ладони в своих ледяных клокочущих реках, то им самим пришлось бы надвинуться на Южный округ Москвы в районе Зябликово и вознестись в небеса перед моим окном на девятом этаже, так я их страшно хотела повидать – со всеми их чудесами!

Именно там, в Гималаях, бродит снежный человек – йети (или точнее о йехти), чей протяжный крик, говорят, можно услышать с наступлением сумерек, да и увидеть его самого иногда удастся в зимние месяцы, когда это мохнатое существо спускается из холодной альпийской зоны ближе к человеческому жилью. Сияющие же НЛО, наоборот, поднимаются в небо чуть ли не из близлежащей долины. В подземном королевстве Агартха (на санскрите – «недоступный», «неуязвимый») восседает Король Мира. И насчет высокогорного царства Шамбала (оно же Шангри-ла и Тарсиг), страны Махатм или Великих Мастеров, которые вершат судьбы человечества, – еще со времен знаменитой тибетско-гималайской экспедиции Николая Рериха никто не сомневается! (Правда, Рерих так и не ступил на землю Шамбалы, зато вестники этой мифической страны являлись ему сами, писали письма и Николаю Константиновичу, и некоторым другим достойным адресатам...)

«Письма Махатм», оригиналы которых сейчас хранятся в Британском музее в Лондоне, переведенные на русский язык, прокомментированные Еленой Ивановной Рерих, подарил мне на день рождения Толя Топчиев, моя первая любовь, профессор географии и, между прочим, родной внук доктора Рябина, сопровождавшего когда-то экспедицию Рериха.

Толик нам настоятельно советовал купить карту рельефа Непала.

– Без карты рельефа в Непале вообще делать нечего! – наставлял нас Толя перед нашим отъездом. – К тому же, – он говорил, – вам надо обязательно купить и взять с собой в Непал велосипеды!

Мы с Лёней послушно отправились в спортивный магазин, долго выбирали, какие пошевле и полегче, так ни на чем и не остановились, и хороши бы мы с ним были *с велосипедами*, когда в ту безумную ночь опоздали на самолет...

Потом я увидела знакомую красную землю Индии, равнина, равнина, и вдруг – совершенно внезапно – на нас накатили горы. Зеленые, лесистые, *заоблачные*, казалось, необитаемые – редкий случай, когда вспыхивало солнце, отраженное плоской крышей человеческого жилья. Наш самолет почти касался брюхом древесных крон, и всякий раз, чтобы перелететь через вершину этих высоченных гор, нам надо было хоть немного забирать повыше.

Никодим, не отрываясь, глядел в иллюминатор самолета, весь в солнечных лучах. А Лёня летящим почерком записывал на листочке:

горы вдали как рисунок тушью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.